

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Федорова В. И. Социальная мобильность сельского населения Енисейской губернии в конце XIX — начале XX веков / В. И. Федорова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 510—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528.

Fedorova, V. I. (2022). Social Mobility of Rural Population of Yenisei Province in Late XIX — Early XX Century. *Nauchnyi dialog*, 11(4): 510-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528

**Социальная мобильность
сельского населения
Енисейской губернии
в конце XIX —
начале XX веков**

Федорова Вера Ивановна

orcid.org/0000-0003-2514-9728

доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории
vi-fedorova@yandex.ru

Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

**Social Mobility
of Rural Population
of Yenisei Province in Late
XIX — Early XX Century**

Vera I. Fedorova

orcid.org/0000-0003-2514-9728

Doctor of History, Professor,
Department of National History
vi-fedorova@yandex.ru

Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

© Федорова В. И., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются социокультурные изменения в сельском населении Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков с целью выявления их характера и динамики в контексте сложной дихотомии традиционности и модерна. Выявляются факторы, влиявшие на межсословные перемещения крестьян, динамику вертикальной мобильности, формирование нового социокультурного типа крестьянства. На основе анализа административной статистики, опубликованной в «Памятных книжках», материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 года, а также в «Трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» по Енисейской губернии и в газетно-журнальной публицистике, автор приходит к выводам, что интенсивность переселенческого потока, резко выросшего в начале XX века, породила противоречивую динамику социокультурных процессов в енисейской деревне. С одной стороны, она способствовала активизации мобильности сельского населения, преодолению культурной изоляции крестьянских общин, ускоряла формирование новой социальной страты — сельской интеллигенции. С другой, консервация сословных ограничений в отношении крестьянства, нежелание имперской власти распространить на Сибирь новые социальные и гражданские институты не только тормозили позитивную динамику, но и вели к накоплению протестного потенциала.

Ключевые слова:

сельское население; Енисейская губерния; социальная мобильность; социокультурная модернизация; сельская интеллигенция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The sociocultural changes in the rural population of the Yenisei province at the turn of the 19th-20th centuries are considered in order to identify their nature and dynamics in the context of a complex dichotomy of traditionality and modernity. The factors that influenced the inter-class movements of peasants, the dynamics of vertical mobility, the formation of a new socio-cultural type of the peasantry are revealed. Based on the analysis of administrative statistics published in the “Memorable Books”, materials of the First All-Russian Population Census of 1897, as well as “Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry” in the Yenisei province and newspaper and magazine journalism, the author comes to the conclusion that the intensity of the migration flow, sharply increased at the beginning of the 20th century, gave rise to the contradictory dynamics of sociocultural processes in the Yenisei village. On the one hand, it contributed to the activation of the mobility of the rural population, overcoming the cultural isolation of the peasant communities, and accelerated the formation of a new social stratum — the rural intelligentsia. On the other hand, the conservation of class restrictions on the peasantry, the unwillingness of the imperial authorities to extend new social and civil institutions to Siberia, not only hampered the positive dynamics, but also led to the accumulation of protest potential.

Key words:

rural population; Yenisei province; social mobility; sociocultural modernization; rural intelligentsia.

Социальная мобильность сельского населения Енисейской губернии в конце XIX — начале XX века

© Федорова В. И., 2022

1. Введение = Introduction

Проблема социокультурной динамики является ключевой для изучения закономерности перехода от общества традиционно-аграрного типа к индустриальному. Она включает аспекты количественных и качественных изменений в социальной структуре общества, механизмы социальной мобильности и адаптации к новым реалиям, разделение сфер частной и общественной жизни, профессиональную специализацию, а в культурной сфере — формирование индивида, осознающего себя как самостоятельную личность, обладающую правами и обязанностями по отношению к обществу и власти, ориентированную на мотивированное восприятие и проведение в жизнь инновационных идей и практик, признающую ценность рационального знания, как основы мировоззренческой парадигмы, открытость к иным культурам.

Темпы и результативность социокультурных изменений во многом определяются модернизационным потенциалом, включающим такой важный компонент, как соотношение в данном обществе традиции и современности. Главным носителем традиционного культурного уклада в российском обществе являлось крестьянство. В настоящей статье предпринята попытка изучения социокультурных изменений, охвативших сельское население Енисейской губернии, которые характеризовались ускоренной динамикой, вызванной массовыми переселениями. С одной стороны, это создавало предпосылки для межкультурного обмена, преодоления замкнутости крестьянских миров, консервировавшей сельскую архаику. С другой — модернизационные процессы развивались на фоне нарастания общей напряженности как в сибирском регионе, так и в стране в целом. Выявление внутренней противоречивости этих тенденций помогает прояснить уровень модернизационного потенциала страны в целом и ее отдельных регионов.

В задачи исследования входит выявление факторов, влиявших на межсословные перемещения крестьян, динамику социальной мобильности, формирование нового социокультурного типа крестьянства; характеристика новых мотиваций хозяйственного поведения, социокультурных потребностей; анализ появления институций, через которые шло проникновение в крестьянскую среду культуры модерна, ее влияние на традиционный уклад.

В отечественной историографии сибирское крестьянство изучалось, главным образом, через призму проблемы социальной дифференциации. Начиная с народников, главное внимание было сосредоточено на изучении влияния капиталистического уклада на разложение общины, пролетаризацию крестьянства и усиление власти сельской буржуазии. Народнические авторы (С. Л. Чудновский, Н. Е. Каронин-Петропавловский, И. А. Гурвич), а позднее и советские историки (Л. М. Горюшкин, В. А. Степынин, Л. Ф. Скляр, В. Г. Тюкавкин) акцентировали экономические аспекты социальной динамики. Они рассматривали выделение различных социальных групп по обеспеченности землей и рабочим скотом, степень и масштабы применения наёмного труда в различных социальных типах крестьянских хозяйств, рынок наёмных сельскохозяйственных рабочих, формы социальной эксплуатации [Чудновский, 1885, Каронин-Петропавловский, 1886, Гурвич, 1888, Горюшкин, 1976, Степынин, 1962, Скляр, 1962]. В современном крестьяноведении есть попытки расширения методологической базы исследования, идет формирование обновленной концепции социально-аграрной эволюции Сибири. В работах ведущих российских историков-аграрников (П. Ф. Никулин, А. А. Храмов, В. А. Ильиных, В. М. Рынков) утверждается, что, несмотря на трансформацию хозяйственно-экономического и социокультурного уклада сибирского крестьянства на рубеже XIX — начала XX веков, ускоренную аграрной политикой царизма, в нем продолжали сосуществовать как консервативно-патриархальные, так и модернизационные пласты, находившиеся в противоречивой динамике [Никулин, 2009, Храмов, 2014, Рынков и др., 2013].

Особый интерес в изучении проблемы представляют работы В. А. Зверева и О. Н. Шелегиной, раскрывающие механизмы социализации и социального контроля в крестьянской среде в условиях модернизационного перехода [Зверев, 1988, Шелегина, 2005].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой данного исследования является социокультурный подход, в котором процесс исторического развития рассматривается как взаимосвязь всех основных культурных компонентов. Развитие крестьянского социума на рубеже XIX—XX веков изучается с позиции противоречивой динамики между нормами традиционной культуры, определявшей поведенческую мотивацию крестьян (хозяйственную, социальную, моральную и т. д.), и вызовами модерна, требовавшими инновационных изменений в системе общественного воспроизводства.

Источниковую базу исследования составили материалы Енисейского губернского статистического комитета, опубликованные в «Памятных

книжках» а также данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи по Енисейской губернии 1897 года. Исключительное значение имеют «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» (Иркутск, 1893—1894), содержащие данные для характеристики социокультурных процессов. Представляют ценность «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» по Енисейской губернии, изданные под эгидой Особого совещания при Государственном совете, созданном для выработки стратегии аграрной реформы. Они содержат выступления крестьян, отражающие их позиции по злободневным вопросам сельской жизни. В работе также использованы материалы сибирской прессы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социальная ситуация в енисейской деревне на рубеже XIX—XX веков

Социальная ситуация в Енисейской губернии на рубеже веков развивалась скачкообразно. До середины 90-х годов XIX века экономика губернии по причине удаленности от общесибирских рынков сохраняла полунатуральный характер. Соответственно, и динамика социальных процессов была довольно вялой по сравнению с другими сибирскими регионами. Переселенческое движение в годы Столыпинской реформы буквально накрыло губернию девятым валом. Можно говорить об определенном «окрестьянивании» населения, так как заметно возрастает доля крестьянства в его составе с 60% (194 790 человек) в 1863 году до 86,8 % (971 975) в 1915 году [Памятная книжка ..., 1915, с. 67]. Это заметно изменило социальную ситуацию в енисейской деревне, придав ей динамичность. Резко набирает темпы социальная мобильность как в горизонтальном, так и вертикальном направлении. Вторжение рыночных отношений в деревню выталкивало крестьян из привычной среды. Раньше у сибирского крестьянина было два главных козыря перед его собратьями в коренной России: земля и воля. И это заставляло его держаться за крестьянский уклад, не мысля для себя иного образа жизни, кроме того, что вели его отцы и деды. В новых условиях он уже начинает задумываться, так ли хороша его жизнь.

3.2. Горизонтальная и вертикальная мобильность крестьян

Более широкие возможности для изменения социального статуса и образа жизни давал переезд в город. Динамика миграций сельского населения в города заметно возрастает в начале XX века (табл. 1).

О том, что этот процесс уже вступил в новую стадию, когда переезд в город рассматривался не как временная мера, а как перемена всего жиз-

Таблица 1

Рост крестьянского населения в городах Енисейской губернии
1863—1915 годов

Годы	Население в городах	Крестьян в городах	%
1863	23551	1509	6,4
1890	40005	4210	10,5
1900	61691	14955	24,2
1906	79566	16763	21,0

Подсчитано по: [Памятные книжки Енисейской губернии, 1865, 1891, 1901, 1907].

ренного уклада, свидетельствует тот факт, что крестьяне переезжали в города целыми семьями, заселяя преимущественно городские окраины. По сведениям А. Р. Шнейдера, они брали у городской управы земли в аренду, строили дома на 2-3-4 квартиры и сдавали их в аренду таким же выходцам из деревень. Так, в Красноярске на 1916 год насчитывалось 868 таких арендаторов, из них 568 переехали из деревень Красноярского уезда; Ачинского — 114; Енисейского — 48; Канского — 46; Минусинского — 92 [Шнейдер, 1928, с. 13].

Однако выходцы из деревень могли занимать только самые низкие ниши в городской экономике, так как в это время уже отчетливо проявляются черты перехода к индустриальному типу промышленности. На городских предприятиях внедряются новые технологии, связанные с использованием электричества, обслуживание железной дороги также требовало определенной квалификации.

Не просто стало занять свою нишу и в торговле, хотя в 1840—1880-х годах отмечался довольно активный приток крестьян в ряды гильдейского купечества, что было связано с «золотой лихорадкой», на волне которой формировались крупные капиталы. Немало местных крестьян пополнили ряды гильдейского купечества, занимаясь поставками продуктов на прииски. Особенно динамично росла доля выходцев из крестьян в Енисейском уезде, где была сосредоточена большая часть приисков. Например, к крестьянскому сословию принадлежал родоначальник династии енисейских золотопромышленников П. М. Кытманов. Он происходил из крестьян села Анциферовского Енисейского округа. Капитал нажил на поставках продуктов на прииски, а к 1890 году по размерам золотодобычи предприятия наследников П. М. Кытманова выходят на 2-е место в губернии. Его сыновья уже входили в верхушку гильдейского купечества, вкладывая капиталы в другие отрасли, образовав совместно со своими компаньонами первую пароходную компанию на Енисее, занимали выборные должности в городском самоуправлении, являлись

потомственными почетными гражданами. В золотопромышленности нажили свои капиталы выходцы из крестьян А. И. Саввиных, З. М. Цибульский, Н. Н. Баранов, К. К. и А. К. Матонины, Н. И. Савельев.

На рубеже XIX—XX веков основным источником формирования крупных капиталов в крестьянской среде становятся хлебная и винная торговля. На скупке хлеба у крестьян, виноторговле и ростовщичестве нажили свое состояние гильдейские купцы И. В. Кулаев, Э. Д. Урбан, Н. П. Пашенных, М. К. Матонин. Однако в целом тенденция перехода крестьянства в купеческое сословие к началу XX века теряет свою динамику (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности купечества в сельской местности
Енисейской губернии

Округа (уезды)	1863 г.		1890 г.		1900 г.	
	Численность купцов в сельской местности	% купцов в сельской местности	Численность купцов в сельской местности	% купцов в сельской местности	Численность купцов в сельской местности	% купцов в сельской местности
Красноярский	95	23	10	5,6	-	-
Енисейский	88	14	40	12,1	7	5,7
Канский	114	38,6	41	23,4	50	31,2
Ачинский	41	32,5	47	37,0	30	18,9
Минусинский	102	25,3	110	34,5	75	32,0
Всего в губернии	440	23,6	248	22,0	162	14,5

Подсчитано по: [Памятные книжки Енисейской губернии, 1865, 1891, 1901].

Как правило, переход в гильдейское состояние приводил к полному разрыву с крестьянским миром. Хотя какое-то время новоиспеченные купцы продолжали оставаться в сельской округе, поскольку того требовал характер их предпринимательской деятельности. Однако по своему социально-сословному статусу и занятиям они уже противостояли крестьянству, являясь носителями буржуазного уклада в деревне. Большой редкостью были примеры, когда новоявленный предприниматель сохранял заинтересованность в развитии крестьянского дела. К таким исключениям относился Н. П. Пашенных. Являясь уроженцем Тесинской волости Минусинского округа, он начал самостоятельно вести хозяйство в крупных масштабах

с 1870 года, сочетая зерновое производство с разведением породистого молочного скота. Одновременно он основал завод по разведению породистых лошадей, занимался пчеловодством, организацией рыбного промысла.

Основной капитал Пашенных давала торговля хлебом, но в отличие от многочисленных перекупщиков, которые свои капиталы наживали через спекулятивные операции с крестьянами, а инвестировали где-то на стороне, Пашенных вкладывал немалую часть своей прибыли в развитие хозяйственной инфраструктуры деревни, построив в Минусинском уезде мыловаренный, кожевенный заводы. В 1904 году Николай Павлович берет в аренду Гусевский свеклосахарный завод, который проработал с перерывами до 1918 года. А в 1909 году он строит крупчатую мельницу в Минусинске, оборудованную новейшей техникой, ставшую главным перерабатывающим предприятием во всей сельской округе.оборот его капиталов в 1903 году составлял 195 тыс. руб. Тем не менее он не стал менять свой социальный статус, оставшись в крестьянском звании. И в ментальном плане он оставался приверженцем характерного для крестьянства бытового аскетизма, был совершенно чужд показной роскоши и разгулам по-купечески.

Пашенных являл собой новый социокультурный тип в крестьянской среде, демонстрируя не только деловую хватку, но и широкий кругозор, начитанность, активную общественную позицию. В 1902 году он участвует в работе уездного Комитета по нуждам сельскохозяйственной промышленности, представив свою программу развития сельского хозяйства на юге края. Она поражает своим широким видением нужд сибирского края простым крестьянином, охватывая буквально всё: от развития хозяйственной и культурной инфраструктуры, крестьянского самоуправления до вопросов семейного быта крестьян. Он активно выступал за замену одноклассных сельских училищ двухклассными, мотивируя необходимость тем, что первые уже не отвечают потребностям крестьян. «Будь же более лучшее обучение, — убежден Пашенных, — окончившие курс ученики, свои же крестьяне, могли бы быть несравненно полезнее обществу на этих обязанностях: в деле самоуправления, на должностях волостных судей, старшин и сельских старост было бы менее людей безгласных, вполне зависимых от писарей; в семейном быту, в устройстве всего хозяйства и хлебопашества крестьянин имел бы возможность с кем посоветоваться, видел бы пользу тех улучшений, какие делаются его же братом-крестьянином, но только более знающим» [Труды местных комитетов, 1903, с. 250].

3.3. Образование как фактор социальной мобильности крестьянства

Формирование нового социокультурного типа крестьянства тормозило низкий образовательный уровень крестьян. Уровень грамотности сельского населения в первые пореформенные десятилетия рос очень медленно.

К началу 1890-х годов по четырем округам (Красноярскому, Канскому, Минусинскому и Ачинскому) он составил 6,5 %. Это меньше, чем в соседней Иркутской губернии — 8,1 % [Материалы ..., 1893, с. 3]. На сто хозяйств грамотных в Иркутской губернии приходилось 43, в Ялуторовском округе Тобольской губернии — 38, в Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии — 44, а в Енисейской — 31 [Там же].

Заметный перелом в развитии школьного образования и уровня грамотности на селе наступает к концу XIX века. По данным Первой всероссийской переписи 1897 года, грамотность крестьян в губернии составила 10,28 %, превысив общесибирский показатель (9,5 %), но в то же время уступая грамотности сельского населения в европейской части — 19,1 % [Первая всеобщая перепись ..., 1904, с. VIII].

Большинство крестьян рассматривали образование преимущественно с точки зрения утилитарной выгоды: получение льгот при прохождении военной службы или переход к другим занятиям, требовавшим знания грамоты (торговля, ремесло, занятие должности сельского писаря). Те из очень немногих, которые оканчивали училища и продолжали учебу в уездных училищах, порывали с крестьянским образом жизни, пополняя ряды горожан. Если они и оставались в селе, то, как правило, поступали в писари при волостных правлениях или становились почтарями. И хотя они не порывали с крестьянской средой, но всё же поднимались над общей массой, составляя высшую касту в деревне.

Однако со временем тяга к знаниям все более связывается с личностными мотивами: повышением социального статуса, удовлетворением личных амбиций, пониманием самооценности знания. В начале XX века резко возрастает количество приговоров сельских сходов об открытии школ. В ряде прошений такого рода уже явственно звучала мысль, свидетельствовавшая о понимании крестьянами того, что их бедственное положение является результатом неграмотности.

Важным последствием проникновения грамоты в деревню стал подрыв традиционного сознания, существенно ограничивавшего мотивацию к личностному росту через низкий уровень запросов. Раньше мир казался крестьянину неизблемым, а социальный порядок — вечным. Если и происходили какие-то перемены, то они были предопределены независимыми от человека силами: бог, судьба, природа, власть. Теперь он убеждается в том, что знания дают человеку способность самому активно влиять на окружающий мир и изменять его. Это придает ему больше уверенности, побуждает к инициативности и мотивирует на всевозможные инновации от перемен в быту до смелых поступков в своем социальном и гражданском поведении. Власть обычая, общины, семьи уступает личной воле,

мнению. И уже нет страха, что привычный уклад может быть утрачен, а обновление воспринимается как улучшение. Тем более что у сибиряков психоментальная мотивация к переменам в своем статусе была выражена более активно, чем у крестьян коренной России. Их не сковывали многовековые традиции, родственные связи, приверженность к обычаям. Большая часть из них, являясь переселенцами, не побоялись бросить насиженные места, разорвать привычный круг бытия, отважно ринувшись на поиски лучшей жизни. Неслучайно одним из проявлений сибирской идентичности являлось чувство превосходства перед российскими «лапотонами», убеждение, что сибиряк сам себе хозяин, над ним нет ни барина, ни начальника, поэтому он сам выбирает свой жизненный путь, ни на кого не оглядываясь, никого не боясь. Сибиряк, имея более высокую самооценку, не особенно тяготился сословными комплексами, не ощущал своей второсортности, считая свое право на лучшую долю в жизни вполне естественным.

Поэтому в начале XX века в крестьянстве заметно активизируется стремление не отстать от веяний культурного модерна. Двигателями новых социокультурных трендов выступала молодежь, рвавшаяся в новую жизнь. Однако деревня не могла удовлетворить возрастающие запросы, несмотря на то, что количество училищ и учащихся в сельской местности росло более высокими темпами, чем в городах. За 1864—1904 годы число начальных школ в сельской местности губернии выросло почти в 8 раз, тогда как в городах — в 4,5 раза [Федорова, 2016, с. 261]. Тем не менее большая часть из них относилась к школам низшего типа, являвшихся тупиковыми, так как не давала возможности продолжать образование. Правда, в начале XX века в деревнях появляются высшие начальные училища, учебная программа которых была намного шире, что позволяло их выпускникам продолжить образование в школах средней ступени. Однако из 9 училищ высшего типа в губернии на сельскую округу приходилось только два: одно в Каратузской волости Минусинского уезда и одно в Рыбинской волости Канского уезда.

Долгие годы единственным учебным заведением в губернии, которое позволяло выпускникам сельских школ продолжить образование и изменить свой социальный статус, являлась Красноярская учительская семинария. Сюда могли поступать дети, окончившие училища низшей ступени. По мере того, как увеличивалось число учеников, оканчивавших сельские училища, крестьянский контингент стал приближаться к 40 %, а в 1917 году крестьянские дети составляли уже три четверти учащихся семинарии. Преобладание крестьянского контингента фиксируется в Ачинской и Минусинской учительских семинариях, открытых незадолго до 1917 года.

Выпускники семинарии получали звание учителя народной школы, что позволяло крестьянам выйти из податного сословия. Получение долж-

ности штатного учителя в школе МНП давало заветный статус государственного служащего с перспективой продвижения по служебной лестнице и получения социальных преференций, которые имело чиновничество. Статус чиновника освобождал учителя от воинской службы (в мирное время) и телесных наказаний.

Однако продвижение по карьерной лестнице для учителя было неспешным. Начав с самого низшего чина коллежского регистратора XIV класса по Табели о рангах, учитель, имевший начальное образование, даже если он верой и правдой не одно десятилетие прослужил своему делу, максимум, что мог выслужить, — чин губернского секретаря, соответствовавший XII классу. Этот чин давал ему право на личное почетное гражданство и орден Св. Станислава 3-й степени — самого младшего по старшинству в иерархии государственных наград Российской империи. Орден мог ускорить продвижение по службе, но для провинциального сельского учителя заработать его было практически не реально. Так, до Первой мировой войны губернская дирекция училищ представила за «усердное и весьма ревностное исполнение обязанностей» к награждению орденом Св. Станислава и званию личного почетного гражданина только трех сельских учителей: П. К. Жигалова, прослужившего 30 лет в своей должности, И. Зимины и Г. И. Итыгина.

Среди поступающих в семинарию было немного тех, кто стремился получить учительскую профессию, руководствуясь какими-то идеальными мотивами: служить общественному благу, просвещению. Большинство смотрело на будущую профессию как на способ вырваться из податного сословия — «бежать от сохи», «выйти в благородные люди». Для них, как правило, существовал небольшой выбор: либо продолжить образование, либо поступить на службу чиновником. Но в губернском аппарате преобладали в основном приезжие чиновники, образовательный уровень которых к XX веку значительно вырос, и местные могли занимать в нем только низшие ступеньки, а потому перспективы карьеры были весьма призрачны. Более высокие шансы были в аппарате уездной власти, но и там значительная часть вакансий заполнялась детьми чиновников, чужаков принимали в свою касту настороженно. К тому же до 1906 года поступление на государственную службу выходцам из крестьянского сословия было запрещено.

Альтернатива продолжать образование и подниматься вверх по социальной лестнице также была малодоступна. Лишь мизерная часть выпускников семинарии обладала такой возможностью. Во-первых, мужских гимназий к концу XIX века в губернии было всего две: в Красноярске и Енисейске (до 1905 года — прогимназия). И хотя доля крестьян среди гимназистов постоянно возрастала (с 5,1 % в 1896 году до 12,1 % в 1909 году),

тем не менее для поступления нужно было сдать ряд предметов, требовавших дополнительной подготовки [Федорова, 2016. с. 277]. А это вело к увеличению затрат на репетиторов. Во-вторых, высших учебных заведений в губернии не было, поэтому шансы на получение высшего образования для выходцев из глухих крестьянских селений необъятной губернии стремились к нулю, а перспектива достичь более высоких ступенек социальной пирамиды превращалась в недостижимую мечту. В лучшем случае окончивший учительскую семинарию, мог поступить в учительский институт, имевший статус среднего образовательного учреждения. Это давало возможность преподавать в училищах высшего типа, а в условиях нехватки квалифицированных педагогических кадров в губернии — даже в гимназии. В этом случае можно было продвинуться по службе до чина коллежского асессора, соответствовавшего 8 классу Табели о рангах или занять должность инспектора народных училищ в уезде.

Кроме учительской профессии, в деревне к началу XX века повышался запрос на занятия, связанные с обслуживанием сельскохозяйственной техники, организацией фельдшерской, ветеринарной и агрономической службы, ведением бухгалтерского дела. Однако подготовка этих профессиональных кадров в регионе отставала от организации дела в соседних сибирских регионах. Так, если в Западной Сибири к началу XX века насчитывалось 3 фельдшерско-ветеринарных училища, то в Енисейской губернии единственным образовательным учреждением, готовившим медицинских специалистов низшего звена, являлась фельдшерско-акушерская школа в Красноярске, открывшаяся в 1889 году. Однако до 1912 года она готовила только девушек.

Усиление притока переселенцев в годы аграрной реформы актуализировало создание специализированных образовательных учреждений для подготовки землемеров, агрономов, специалистов по обслуживанию сельскохозяйственной техники. При поддержке губернской администрации в 1909 году в Красноярске было основано землемерное училище для подготовки землемеров-таксаторов. Однако оно имело статус среднего профессионального учебного заведения, и в него могли поступать только выпускники высших начальных училищ или ученики младших классов средних школ. Это затрудняло приток в училище крестьянских детей. Тем не менее уже в первом наборе выходцы из податных сословий — мещан и крестьян — составили $\frac{4}{5}$ всех учеников.

Более доступной для крестьян была сельскохозяйственная школа, открывшаяся в 1911 году в селе Рыбинском Канского уезда. Решение о её открытии было принято крестьянским сходом. Школа была рассчитана на местных крестьян, и обучение для них было бесплатным. В программу

обучения, кроме предметов общеобразовательного цикла, входила специальная подготовка крестьян к полеводству, животноводству, пчеловодству, огородничеству. В первом наборе обучение проходили 50 учеников в основном из жителей Рыбинского и окрестных сел. Школа готовила помощников для специалистов, работавших на опытных участках, созданных под эгидой губернской агрономической службы. Выпускники школы получали элементарные знания, но при нехватке квалифицированных сельскохозяйственных кадров они составили костяк, на базе которого начинает формироваться сельская интеллигенция.

Таким образом, в начале XX века в среде местного крестьянства активно формируется небольшая по численности прослойка сельской интеллигенции, которую составляли представители квалифицированных профессий: учителя, фельдшеры, агрономы, счетоводы. Она становится ядром распространения культурного модерна на крестьянские массы. Благодаря ее деятельности жизнь села преобразуется: появляются «городские» культурные новшества, такие как библиотеки, народные чтения, народные театры, народные дома, оркестры.

3.4. Формирование социокультурных потребностей нового типа

К новым чертам деревенской жизни относится появление уездных сельскохозяйственных обществ. Всего таких обществ в губернии насчитывалось более 25. Если раньше их создание инициировалось губернскими и уездными чиновниками и городской интеллигенцией, а крестьянство в них было представлено немногочисленными энтузиастами, то к началу Первой мировой войны уже половину их членов в уездных и волостных центрах составляли крестьяне. Члены обществ занимались выведением новых сортов зерновых, огородных и плодово-ягодных культур, акклиматизацией сортов, ввозимых из центральных губерний России, племенным скотоводством, распространением сельскохозяйственной техники, внедрением новых севооборотов. Вокруг уездных отделов сельскохозяйственных обществ сложилась целая плеяда талантливых селекционеров из крестьян, внесших заметный вклад в развитие народной агрономии. Авторами новых сортов пшеницы, отмеченных дипломами на всероссийских и международных сельскохозяйственных выставках, были Ф. Ф. Девятков, М. Г. Меллер, И. Быков, Н. Пашенных, П. Мыльников, М. Щелкунов, С. Беляев, Ф. Колмаков, И. Дорофеев, Д. Братилов, Яговкин. Минусинский овощевод И. С. Старухин вывел новый сорт помидоров, М. Г. Никифоров и А. И. Олониченко стали пионерами акклиматизации яблонь в Енисейской губернии.

Общества инициировали организацию губернских и уездных сельскохозяйственных выставок, распространение научно-популярной литературы, лекции по пропаганде достижений агрикультуры и новой техники, вели

переписку с научными учреждениями, проводили анкетирование крестьян, организовывали работу опытных полей. Они вовлекали в свою экспериментальную деятельность рядовых крестьян, прививая вкус к новым методам хозяйствования, соревновательности, что в конечном счете воспитывало новое отношение крестьян к труду не как к тяжелой неизбежной повинности ради выживания, а как к деятельности, которая раскрывает творческие способности человека, способствует личностному самоутверждению.

Так постепенно складывается новый социокультурный тип земледельца, социальные и личностные запросы которого уже далеко выходят за рамки сословной и локальной замкнутости, но при этом опираются на инновационный потенциал традиционной крестьянской культуры. Характерной в этом отношении является фигура Ф. Ф. Девятова, происходившего из семьи крестьян, переселившихся в Минусинский уезд из Владимирской губернии. Он относился к земледелию не только как делу, дающему пропитание, но стремился превратить его в творческое занятие. Девятов выписывал сельскохозяйственную литературу, элитные семена, вел переписку со специалистами по вопросам агротехники, изучал научные достижения, а также опыт народной агрономии. На своем наделе в селе Курагино Минусинского уезда он разводил лучшие сорта пшеницы, огородных культур, апробировал посевы льна, коллекционировал таежные растения, проводил опыты по травосеянию. Занимался разведением породистого рогатого скота. В 1892 году он представил образцы яровой ржи и озимой пшеницы на Красноярской выставке, получив малую золотую медаль «За представленные растения» и серебряную медаль «За отличную культуру льна». Но самым крупным признанием достижений Девятова стало присуждение ему бронзовой медали на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году.

Девятов был не чужд научных интересов. У себя на мельнице устроил метеорологическую станцию и вёл наблюдения за погодой. В 1900 году решением Академии наук он был утвержден корреспондентом главной физической обсерватории «за оказанную науке и обсерватории пользу». Ему также принадлежит рукопись очерка о состоянии сельского хозяйства в Минусинском округе. Часть материалов, собранных Девятовым, была опубликована в «Восточном обозрении», «Сибирском листке». За заслуги в области сельского хозяйства 16 февраля 1900 года Девятову было предоставлено Министерством земледелия право ношения членского знака корреспондента Отдела сельского хозяйства.

В своей публицистике Девятов обращается к важным социальным вопросам деревенской жизни. Его волнует проблема труда и капитала. Он выступает против частной собственности на землю, считая, что чисто капиталистический способ ведения хозяйства с использованием наемного

труда разорителен. Крестьянин убежден, что только то хозяйство не убыточно, «когда можно обходиться без найма рабочих», так как при слабо развитом спросе на сельскохозяйственные продукты и дешевизне цен невозможно оправдать затраты на оплату труда наемным работникам [Девятков, 1885, с. 310].

Девятков выступает за реформу сибирской деревни, но считает, что ее должны проводить не чиновники, далекие от крестьянских интересов, а сами крестьяне. Отсюда его активная позиция по вопросу о введении в Сибири земств. Его пример подтверждал вывод редакции «Восточного обозрения» о том, что «народился в крае уже грамотный деловой крестьянский элемент, который лучше всех может разобраться в своих земских нуждах» [Там же, с. 322].

Конечно, крестьяне, понимавшие, что решение их нужд связано с глубокими общественно-политическими изменениями, составляли очень тонкий слой в сибирской деревне. Подавляющая масса крестьянства оставалась аполитичной, но в период Первой русской революции 1905—1907 годов оно сумело выдвинуть из своей среды защитников. За весь период существования Государственной думы от Сибири было выбрано 5 депутатов из крестьян, в том числе от Енисейской губернии — А. С. Ермолаев. Уроженец села Шушенского, он в 1905 году вступил в Крестьянский союз, созданный в декабре 1905 года в Минусинске, не без поддержки которого он был избран депутатом в I Думу от губернии. В Думе примкнул к трудовикам, поддержал Выборгское воззвание, за что был привлечен к уголовной ответственности и несколько месяцев отбыл в Крестах. Так крестьянство постепенно превращается из «класса в себе в класс для себя», способный не только артикулировать, но и отстаивать свои интересы.

4. Заключение = Conclusions

Итак, массовый приток переселенцев в Енисейскую губернию на рубеже XIX—XX веков способствовал постепенному переходу от экстенсивного хозяйства полунатурального типа к интенсивному, требовавшему введения инновационных технологий и повышения агрикультуры. Это в свою очередь стимулировало мотивацию сибирских крестьян к преодолению замкнутости сельского мира, расширению социальных и культурных связей, что было необходимым условием ускорения социального прогресса в российском обществе.

Заметно усиливается вертикальная мобильность крестьян через межсословные перемещения, связанные с миграцией в города. И хотя не все из них меняли свой сословный статус, но постепенно интегрировались в социо-профессиональные структуры городского типа.

Переход сельской верхушки в купеческое сословие к концу XIX века становится менее активным. Наживая свои капиталы в деревне за счет хлебной торговли и ростовщичества, она не стремилась их инвестировать в развитие инновационных форм хозяйствования и новой социокультурной инфраструктуры. Сельская буржуазия, не обладая сколько-нибудь развитым культурным кругозором, не ставила таких задач. Она предпочитала мигрировать в города, где вливалась в купеческое сословие и порывала со своими крестьянскими корнями. Примеры ответственного в этическом и социальном плане поведения нарождавшегося типа сельского буржуа были единичными.

Однако динамика социокультурной модернизации в начале XX века была слишком слабой, чтобы решить исторические задачи, поставленные временем. Причиной этого являлась социально-экономическая и культурная политика самодержавия, сохранявшего сословные барьеры в обществе. Особенно это было актуально для сибирского крестьянства, социально-правовой статус которого был более ущербным по сравнению со своими собратьями из коренной России.

Очевидным тормозом социокультурного модернизма в регионе являлась архаичная система народного образования, которая не открывала перспектив продолжения образования, тем самым ограничивая возможности для вертикальной мобильности крестьянства. Счет выходцев из крестьян, которым удалось получить образование выше начального и влиться в другие социальные страты, шел на десятки по отношению к сотням тысяч крестьянского населения. Из 433 201 крестьянина и 7622 казаков, проживавших в губернии, высшее образование на 1897 год имели 47 человек, то есть 0,01 % [Первая Всеобщая перепись, 1904, с. 28]. В XX веке в абсолютном значении эти цифры возрастают и счет уже идет на сотни, но относительно общей массы крестьянства доля крестьянской интеллигенции по-прежнему оставалась каплей в море. К 1917 году уровень грамотности енисейского крестьянства поднимается даже выше общесибирского (10,3 %), но это было достигнуто за счет притока переселенцев из европейской части, где образование было более доступным благодаря земствам.

Острой проблемой для региона являлось недостаточное развитие социокультурной инфраструктуры на селе. Не хватало не только школ, но и других учреждений: больниц, библиотек, агрономических и ветеринарных пунктов, слабо была поставлена популяризация сельскохозяйственной техники, достижений агрикультуры. Тем не менее под влиянием духа времени в енисейскую деревню проникали элементы культурного модернизма. Менялись культурные потребности и духовные ценности крестьян, их представления об окружающем миропорядке, что способствовало новой самоидентификации крестьянства в модернизирующемся российском об-

шестве. И главным актором этого процесса был немногочисленный слой крестьянской интеллигенции, в деятельности которой мы видим попытки соединить социокультурные ценности модерна и традиционную для крестьян трудовую мораль, отрицавшую частную собственность, социальную эксплуатацию, приоритет личного интереса над общественным и утверждавшую идею общинной солидарности и социальной гармонии.

Источники

1. *Девятков Ф. Ф.* Хозяйственный быт сибирского крестьянства / Ф. Ф. Девятков // Литературный сборник. — Санкт-Петербург : Издание редакции «Восточного обозрения», 1885. — 494 с.
2. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. — Иркутск : Типография К. И. Витковской, 1893. — Т. IV. — Выпуск 2. — 129 с.
3. *Памятная книжка* Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. — Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1865. — 314 с.
4. *Памятная книжка* Енисейской губернии на 1890. — Красноярск : Енисейская губернская типография, 1891. — 255 с.
5. *Памятная книжка* Енисейской губернии на 1901. — Красноярск : Енисейская губернская типография 1901. — 307 с.
6. *Памятная книжка* Енисейской губернии на 1909. — Красноярск : Енисейская губернская типография, 1909. — 455 с.
7. *Памятная книжка* Енисейской губернии на 1915. — Красноярск : Енисейская губернская типография, 1915. — 128 с.
8. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — Т. 73. Енисейская губерния, 1904. — 185 с.
9. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Енисейская губерния. — Санкт-Петербург : Типография «Народная польза». 1903. — Т. LIV. — 313 с.

Литература

1. *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука, 1976. — 342 с.
2. *Гурвич И. А.* Переселение крестьян в Сибирь / И. А. Гурвич. — Москва : Типография А. Левенсон и К°, 1888. — 144 с.
3. *Зверев В. А.* Взаимовлияние хозяйственной жизни крестьян и городской культуры Сибири в пореформенный период (на примере деятельности Минусинского музея) / В. А. Зверев // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. И. Соловьева. — Новосибирск : Издательство НГПИ, 1988. — С. 74—94.
4. *Каронин-Петропавловский Н. Е.* Схема истории сибирской общины / Н. Е. Каронин-Петропавловский // Сибирский сборник. — Санкт-Петербург : Издание редакции «Восточного обозрения», 1886. — Выпуск 2. — С. 62—82.
5. *Никулин П. Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / П. Ф. Никулин. — Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. — 384 с. — ISBN 5-91302-072-3.

6. Рынков В. М. Десятилетие потрясений : сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильиных. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2013. — 244 с. — ISBN 978-5-94301-493-2.
7. Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1962. — 588 с.
8. Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. — Красноярск : [б. и.], 1962. — 565 с.
9. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября / В. Г. Тюкавкин. — Иркутск : Восточносибирское книжное издательство, 1966. — 471 с.
10. Федорова В. И. Енисейская губерния 1861—1917 : Экономика. Общество. Культура / В. И. Федорова. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2016. — 342 с. — ISBN 978-5-00102-031-8.
11. Храмов А. А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. / А. А. Храмов. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2014. — 326 с. — ISBN 978-5-7904-1796-2.
12. Чудновский С. Л. Енисейская губерния. К 300-летию юбилею Сибири / С. Л. Чудновский. — Томск : Типография «Сибирской газеты», 1885. — 199 с.
13. Шелегина О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспеченности русского населения Сибири в XVIII — начале XX века (К постановке проблемы) / О. Н. Шелегина. — Новосибирск : Сибирская книга, 2005. — 192 с. — ISBN 5-94306-100-3.
14. Шнейдер А. Р. Население Приенисейского края / А. Р. Шнейдер. — Красноярск : Бюро Русского географического общества, Среднесибирского отдела Русского географического общества, 1928. — 22 с.

Material resources

- Devyatov, F. F. (1885). Economic life of the Siberian peasantry. In: *Literary collection*. St. Petersburg: Edition of the editorial office of the “Eastern Review”. 494 p. (In Russ.).
- Commemorative book of the Yenisei province for 1865 and 1866*. (1865). St. Petersburg: Printing house of K. Wolf. 314 p. (In Russ.).
- Commemorative book of the Yenisei province for 1890*. (1891). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing house. 255 p. (In Russ.).
- Commemorative book of the Yenisei province for 1901*. (1901). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing House. 307 p. (In Russ.).
- Commemorative book of the Yenisei province for 1909*. (1909). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing house. 455 p. (In Russ.).
- Commemorative book of the Yenisei province for 1915*. (1915). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing House. 128 p. (In Russ.).
- Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Yenisei province, IV (2)*. (1893). Irkutsk: Printing house of K. I. Vitkovskaya. 129 p. (In Russ.).
- Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry. Yenisei province, LIV*. (1903). St. Petersburg: Printing house “Narodnaya usel”. 313 p. (In Russ.).
- The first General Population Census of the Russian Empire in 1897, 73. Yenisei province*. (1904). St. Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 185 p. (In Russ.).

References

- Chudnovsky, S. L. (1885). *Yenisei province. To the 300th anniversary of Siberia*. Tomsk: Printing house of the Siberian Newspaper. 199 p. (In Russ.).
- Fedorova, V. I. (2016). *Yenisei province 1861—1917: Economics. Society. Culture*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev. 342 p. ISBN 978-5-00102-031-8. (In Russ.).
- Goryushkin, L. M. (1976). *Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900—1917)*. Novosibirsk: Nauka. 342 p. (In Russ.).
- Gurvich, I. A. (1888). *Resettlement of peasants to Siberia*. Moscow: A. Levenson & Co. Printing House. 144 p. (In Russ.).
- Karonin-Petropavlovsk, N. E. (1886). Scheme of the history of the Siberian community. In: *Siberian collection*, 2. St. Petersburg: Edition of the editorial office of the “Eastern Review”. 62—82. (In Russ.).
- Khramkov, A. A. (2014). *Essays on the history of the peasantry of Siberia at the beginning of the twentieth century*. Barnaul: Altai State University Publishing House. 326 p. ISBN 978-5-7904-1796-2. (In Russ.).
- Markets, V. M., Ilyinykh, V. A. (2013). *Decade of upheavals: agriculture of Siberia in 1914—1924*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 244 p. ISBN 978-5-94301-493-2. (In Russ.).
- Nikulin, P. F. (2009). *The economic system of the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the twentieth century*. Tomsk: TML-Press. 384 p. ISBN 5-91302-072-3. (In Russ.).
- Schneider, A. R. (1928). *The population of the Yenisei region*. Krasnoyarsk: Russian Geographical Society Bureau, the Central Siberian Department of the Russian Geographical Society. Krasnoyarsk. 22 p. (In Russ.).
- Shelegina, O. N. (2005). *Adaptation processes in the culture of life support of the Russian population of Siberia in the XVIII — early XX century (To pose the problem)*. Novosibirsk: Siberian Book. 192 p. ISBN 5-94306-100-3. (In Russ.).
- Sklyarov, L. F. (1962). *Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform*. Leningrad: Leningrad University Press. 588 p. (In Russ.).
- Stepynin, V. A. (1962). *Colonization of the Yenisei province in the era of capitalism*. Krasnoyarsk: [b. i.]. 565 p. (In Russ.).
- Tyukavkin, V. G. (1966). *Siberian village on the eve of October*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 471 p. (In Russ.).
- Zverev, V. A. (1988). The mutual influence of the economic life of peasants and urban culture of Siberia in the post-reform period (on the example of the activities of the Minusinsk Museum). In: *The city and village of Siberia of the pre-Soviet period in their relationship: interuniversity collection of scientific papers*. Novosibirsk: NGPI Publishing House. 74—94. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 16.05.2022.